

Президентские системы на постсоветском пространстве: верна ли гипотеза Хуана Линца?

Олег И. Зазнаев

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия, Oleg.Zaznaev@kpfu.ru*

Виктор В. Сидоров

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия, Viktor.Sidorov@kpfu.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению политических последствий применения президентской формы правления на материалах ряда постсоветских государств.

Гипотеза известного политолога Хуана Линца о недостатках президентской системы правления находит свое подтверждение в постсоветской политике. Здесь государства с сильными президентами демонстрируют тенденции к установлению персоналистских режимов. Концентрация власти в руках президента приводит к ослаблению оппозиции. Электоральные процессы часто носят имитационный характер, а конкуренция в политике остается на крайне низком уровне.

Проведенный эмпирический анализ постсоветской политики показал, что политические кризисы в президентских режимах порой заканчиваются «цветными революциями», общество подвержено глубоким расколам, а режимы лишаются временной гибкости. Невозможность быстрой смены утратившего легитимность президента приводит к потере стабильности всей системы. Политическая стабильность при таких системах правления может быть обеспечена только за счет отказа от политической конкуренции. Находит свое подтверждение утверждение Линца о возможности конфликта между президентом и парламентом как следствие двойной демократической легитимности, а также о стремлении президента к неэффективным тратам. Эмпирический анализ политических процессов на постсоветском пространстве доказывает правоту гипотезы Линца.

Ключевые слова: форма правления, парламентаризм, президенциализм, президент, постсоветская политика, цветная революция

Для цитирования: Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Президентские системы на постсоветском пространстве: верна ли гипотеза Хуана Линца? // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4 (14). С. 24–35. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-24-35

Presidential systems in the post-Soviet space. Is Juan Linz's hypothesis correct?

Oleg I. Zaznaev

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia Oleg.Zaznaev@kpfu.ru

Victor V. Sidorov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia Viktor.Sidorov@kpfu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the political consequences of exercising the presidential form of government by the materials of a number of some post-Soviet States.

The hypothesis of the well-known political scientist Juan Linz about the shortcomings of the presidential system of government is confirmed in post-Soviet politics. Here, states with strong presidents demonstrate tendencies toward establishing personalist regimes. Concentration of power in the hands of the president tends to make the opposition weaker. Electoral processes are often imitative by nature, while competition in politics remains at an extremely low level.

An empirical analysis of post-Soviet politics demonstrated that political crises in presidential regimes sometimes lead to "color revolutions", society is subject to deep splits, and regimes are deprived of time flexibility. The fact that it is impossible to quickly replace the president who lost legitimacy leads to a loss of stability of the entire system. Political stability in such systems of government can only be achieved by rejecting political competition. Linz's assertion about the possibility of conflict between the president and parliament as a consequence of double democratic legitimacy, as well as the president's striving for inefficient spending, is confirmed. An empirical analysis of political processes in the post-Soviet space proves the validity of the Linz hypothesis.

Keywords: form of government, parliamentarism, presidentialism, president, post-Soviet politics, color revolution

For citation: Zaznaev OI., Sidorov VV. Presidential systems in the post-Soviet space. Is Juan Linz's hypothesis correct? *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*. 2018;4:24-35. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-24-35

На протяжении последних 30 лет в западной политической науке идет дискуссия о преимуществах и недостатках разных форм правления. Ее начало было положено американским политологом Хуаном Линцем, который в 1989 г. выступил с докладом в Джорджтаунском университете на симпозиуме, посвященном сравнению президентской и парламентской форм правления. На основе этого доклада в «Журнале демократии» в 1990 г. была опубликована статья под характерным названием «Опасности президентализма» [1]. В статье Линц приводил веские аргументы

в пользу парламентской системы и, соответственно, против президентской системы. Идеи Линца вызвали горячую дискуссию в академической среде.

Каковы основные тезисы гипотезы Линца? Во-первых, парламентская система чаще приводит к установлению стабильной демократии, особенно в тех странах, где глубоки политические расхождения и существует множество политических партий; во-вторых, парламентская система выступает гарантом сохранения демократии [1 с. 52]. К «опасностям» президентской формы правления Линц относит следующие черты: отсутствие временной гибкости, мажоритарные тенденции, двойную демократическую легитимность президента и парламента, поощрение политических аутсайдеров, отсутствие арбитража, склонность к утверждению режима личной власти, нестабильность и неэффективность системы.

Один из способов проверить гипотезу Линца – обратиться к кейсам стран с президентской формой правления. Постсоветское пространство дает широкий эмпирический материал. Подавляющее большинство стран этого региона могут быть отнесены к президентским системам [2 с. 11] (кроме стран Прибалтики и Молдовы) или системам с сильными президентскими чертами (их в литературе называют «президентциализированными») [2 с. 13].

Цель данной статьи – на основе конкретных кейсов постсоветских стран с президентской системой доказать, что доводы Линца против президентской системы находят свое подтверждение.

1. *Отсутствие временной гибкости.* По мнению Линца, серьезным недостатком президентской системы является отсутствие гибкости – потерявшего легитимность президента практически невозможно сместить со своего поста [1 с. 52]. В противоположность президентской системе парламентская система демонстрирует гибкость, столь важную в кризисных ситуациях. В парламентской системе роспуск парламента, досрочные выборы или внутрипартийная смена лидера являются эффективными инструментами, позволяющими не допустить перерастания кризиса легитимности в общенациональный политический кризис. Линц отмечает, что смещение премьера не означает кризиса всего режима. Премьер может повысить легитимность своего политического курса, иницируя процедуру голосования о вотуме доверия парламента правительству или через процедуру досрочных парламентских выборов. В президентских системах таких возможностей у главы государства нет.

Украинский политический кризис 2013–2014 гг. отлично иллюстрирует аргументацию Линца. Центральный вопрос, расколовший украинское общество, – вопрос о евроинтеграции. В ноябре

2013 г. президент В. Янукович принял решение приостановить процесс подписания Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, что вызвало недовольство среди части населения – сторонников евроинтеграции. Массовые протесты в центре Киева приняли насильственный характер, конфликт фактически перешел в вооруженное противостояние, а в оппозиции стали доминировать радикально настроенные политики [3]. Несмотря на то что в феврале 2014 г. В. Януковичу удалось подписать соглашение с оппозицией, где был закреплён пункт о проведении досрочных президентских выборов, угроза личной безопасности со стороны оппозиционных радикалов вынудила президента покинуть страну.

Украинский политический кризис фактически проходил по линии противостояния «президент–оппозиция». Способы его разрешения не имели институционального измерения в условиях, когда оппозиционные протесты проходили под руководством радикально настроенных политиков [4]. Непримиимые противоречия радикальной оппозиции с президентом, обладающим большим объемом полномочий, привели в итоге к тяжелейшему политическому кризису и фактическому развалу государства.

2. Мажоритарные тенденции. Линц отмечает, что президентская система функционирует в соответствии с принципом «победитель получает все». Избранный президент самостоятельно формирует правительство, которое он полностью контролирует в течение всего срока своих полномочий. Мажоритарный принцип делает политику игрой с нулевой суммой (*zero-sum*), а ведь подобные игры, отмечает Линц, чреваты конфликтом [1 с. 56]. Выборы по принципу «победитель получает все» слишком высоко поднимают ставки при выборе президента, что неизбежно ведет к обострению отношений в обществе и его дальнейшей поляризации, отмечает Линц.

Конституция Киргизии 1993 г. предусматривала создание системы с сильным президентом, контролирующим все ветви власти, и получающим мандат «из рук народа». В дальнейшем президент А. Акаев как «победитель, который получил все», предпринял шаги по усилению президентской власти: в конституцию были внесены существенные поправки, нацеленные на укрепление личной власти главы государства. Это привело к внутриэлитному и межрегиональному конфликту, возникшему на основе традиционного кланово-земляческого раскола между севером и югом, что вызвало отставку А. Акаева («революция тюльпанов» 2005 г.) и перераспределение полномочий между президентом и парламентом в сторону парламента [5]. Новый президент К. Бакиев продолжил политику «победитель получает все», пытаясь консолидировать личную власть президента, что вновь привело к насильственной смене по-

литической элиты в 2010 г. и к установлению формы правления с ослабленным президентом [6 с. 420–425].

Таким образом, мажоритарные тенденции президентского режима Киргизии проявились в стремлении президентов получить максимальную выгоду от доминирующего положения на политической сцене, что привело к поляризации общества, росту недовольства со стороны оппозиции и народа и в конечном итоге – к вынужденной отставке президентов. В обоих случаях реакцией общества на мажоритарные тенденции президентского режима стало значительное ослабление президентской власти и дрейф в сторону парламентской системы.

3. *Двойная демократическая легитимность президента и парламента.* Ситуация, когда и президент, и парламент избираются всенародно, может стать источником конфликта между законодательной и исполнительной властью [1 с. 53], утверждает Линц. В президентском режиме отсутствуют демократические принципы разрешения споров между ветвями власти в отношении того, какая же из них фактически является «выразительницей воли народа», «подлинным носителем демократической легитимности» [1 с. 64]. Особенно опасно, по мнению Линца, то, что президент может использовать чисто идеологические формулировки для дискредитации своих противников, а соперничество между институтами власти может приобрести характер взрывоопасного конфликта. Президентский режим оставляет меньше места для достижения консенсуса, молчаливо разделяемого всеми, изменения коалиций и заключения компромиссов, которые, какими бы дальновидными они ни представлялись, трудно оправдать в глазах общественности [1 с. 68].

В России двойная демократическая легитимность (и президент, и парламент избирались всенародно) стала одним из факторов напряженных отношений между президентом Б. Ельциным и парламентом в 1991–1993 гг., которые вылились в серьезный политический кризис, роспуск парламента и расстрел Белого дома. 17 марта 1991 г. состоялся всероссийский референдум о введении поста Президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием. На референдуме «да» ответили 69,85% избирателей, принявших участие в голосовании, «нет» – 21,4%. Первые всеобщие выборы Президента России состоялись 12 июня 1991 г. На них победу одержал Б. Ельцин, который получил изначально более высокий уровень легитимности по сравнению с первым Президентом СССР, который был избран парламентом, а не народом. Съезд народных депутатов России как парламент страны избирался также всенародно. При этом он имел значительные полномочия и был высшим орга-

ном государственной власти России; парламент не мог быть распущен президентом. Тем самым возникла институциональная основа для конфликта между президентом и парламентом. Оба субъекта апеллировали к народу и ссылались на то, что именно они являются выразителем интересов народа, представителями народа и, следовательно, могут принимать любые решения [7].

Таким образом, двойная демократическая легитимность вкупе с иными факторами (стремление Ельцина неограниченно расширить свою власть, идеологическое противостояние, несговорчивость парламента и др.) в 1992–1993 гг. привела к масштабному политическому конфликту между президентом и парламентом, завершившемуся победой Ельцина и принятием пропрезидентской конституции 1993 г. Институциональный порок президенциализма вылился в серьезный политический кризис и в конечном итоге – в создание системы со сверхсильным президентом.

4. *Поощрение политических аутсайдеров.* Линц пишет, что в президентской системе отсутствует механизм преемственности власти президента. Четко определенный срок президентских полномочий приводит к тому, что политический процесс автоматически распадается на жестко разграниченные периоды, что практически не оставляет возможности для проведения «преемственной политики тактических корректировок» [1 с. 54]. Законодательные механизмы этой системы могут в случае досрочного прерывания президентских полномочий вынести наверх человека, который при обычной избирательной процедуре никогда бы не стал главой государства, т. е. власть сваливается в руки политических аутсайдеров.

На постсоветском пространстве случаи вхождения в элиту аутсайдеров встречаются редко: стать президентами, не имея политического опыта и необходимых элитных связей, смогли лишь А. Эльчибей в Азербайджане в 1992 г. и А. Лукашенко в Белоруссии в 1994 г. [8 с. 391].

В конце 1980-х годов в Азербайджане возникло национально-демократическое движение, одной из организаций которого стал Народный фронт. В 1989 г. председателем Народного фронта был избран диссидент и филолог А. Алиев (позже он взял себе имя Эльчибей). Спустя три года Эльчибей был избран президентом Азербайджана. На выборах за него проголосовало 59,4% избирателей. Победе Эльчибея предшествовала общественное недовольство политикой прежнего президента А. Муталибова, который под давлением оппозиции сначала ушел в отставку, затем пытался вернуться к власти, но в конечном итоге под натиском Народного фронта и его сторонников бежал из страны. На посту президента Эльчибей продержался недолго – всего 15 месяцев, не сумев справиться с тя-

желым экономическим кризисом, политическими распрями и обострившейся ситуацией в Нагорном Карабахе. Парламент принял решение об отстранении Эльчибея от власти и наделил Г. Алиева полномочиями «осуществляющего обязанности президента». Затем был проведен референдум о доверии президенту страны, на котором за отставку Эльчибея высказалось 97,5% избирателей [9 с. 50–61]. Итак, политик, за которого на волне популярности проголосовали трое из пяти избирателей, спустя год с небольшим вызывает полное неприятие народа. Одной из причин этого стало отсутствие опыта ведения государственных дел: Эльчибей не занимал никаких должностей ни в коммунистической партии, ни в органах государственной власти, всю жизнь оставаясь диссидентом и оппозиционером, слабо подготовленным к политической деятельности.

Внеэлитный переворот 1992 г. в Азербайджане, связанный с приходом к власти оппозиционера Эльчибея, ярко демонстрирует, что избрание народом политического аутсайдера в условиях президентской республики ведет к обострению существующих в стране проблем.

5. *Отсутствие арбитража.* С одной стороны, президент в президентской системе – глава государства и представитель всего народа, а с другой – он выражает вполне определенный политический курс. Линц приходит к выводу, что такой двойственный характер должности президента отражается на стиле его политики: «Наиболее тревожным следствием взаимодействия между президентом и его избирателями является возникновение ложных представлений и подмена “народа” в целом группой своих сторонников. При этом есть опасность, что он будет рассматривать свою политику как отражение народной воли, а политику своих оппонентов – как злые козни, направленные на защиту узких интересов» [1 с. 61]. Таким образом, президент в силу своего двойственного положения не может выступать в роли нейтрального арбитра в политических спорах.

В Таджикистане пост президента (Президент Таджикской ССР) с широкими полномочиями был учрежден в 1990 г. За два года, с ноября 1990 г. по ноябрь 1992 г., в стране сменились 6 президентов (К. Махкамов, К. Аслонов, Р. Набиев, А. Искандаров, Р. Набиев, А. Искандаров). Борьба за пост президента превратилась в борьбу между разными этнорегиональными кланами. Институт президента в этой ситуации стал не способом решения общественных проблем (как в Казахстане, Узбекистане, Туркменистане) и не способом борьбы представителей национального движения с альтернативным центром власти в виде ЦК Компартии (как в Кыргы-

зстане), а средством реализации интересов разных кланов и устранения политических противников [8 с. 143]. При этом президент находился под значительным давлением оппозиции, зачастую принимая несамостоятельные решения. Это привело к кризису института президента и его ликвидации в 1992 г. в условиях начавшейся гражданской войны (институт президента был восстановлен в 1994 г. после стабилизации ситуации в Таджикистане).

Таким образом, в условиях расколотого таджикского общества двойственная роль президента (с одной стороны, лидера нации, воплощающего всеобщие интересы, и с другой – главы исполнительной власти и лидера определенной группы, реализующего некий политический курс) привела к тому, что президент не смог реализовывать интересы всего общества, не смог подняться над интересами кланов и политических группировок. Это означало, что Президент Таджикистана не был арбитром в политических спорах между соперниками, принимая то одну, то другую сторону. Это стало одной из причин многочисленных конфликтов, перешедших в гражданскую войну. Пост президента, который обычно рассматривается в качестве одного из способов разрешения противоречий и публичного арбитра, был упразднен. Тем самым Таджикистан начал 1990-х годов доказал тезис Линца об отсутствии арбитража в президентской системе.

6. *Склонность к утверждению режима личной власти.* По мнению Линца, институциональные особенности президентской системы ведут к формированию персоналистского режима вне зависимости от социально-экономических и культурных факторов [1 с. 55]. Это выражается в отказе президента признавать границы и ограничения своей власти, что ведет к полному неуважению и игнорированию мнения оппозиции [1 с. 61]. Ограничение власти проявляется, в частности, в виде конституционных положений об ограничении сроков президентских полномочий. В мировой практике наиболее распространенным является ограничение, когда одно лицо не может занимать должность президента более двух сроков. Однако на постсоветском пространстве мы наблюдаем ситуацию, когда президенты находятся у власти гораздо больше времени, чем два срока. Так, первый Президент Казахстана Н. Назарбаев находится у власти с 1991 г. по настоящее время. Пункт 5 статьи 42 Конституции Казахстана определяет условие, что один человек не может быть избран президентом более двух раз подряд, делая при этом исключение для первого президента. Иными словами, ограничения по срокам распространяется на всех президентов в будущем, но не применительно персонально к Назарбаеву – он может быть избран президентом неограниченное количество раз

подряд. Данное положение было внесено в Конституцию Казахстана в 2007 г. Наибольшая персонализация политики произошла в Туркменистане, где президент С. Ниязов фактически ликвидировал институт выборов президента, ввел в оборот титул Туркменбаши – Отца всех туркмен – и установил жесткий режим единоличного правления с элементами культа личности.

Президенты на постсоветском пространстве подавляют оппозицию, оставляя лишь небольшое пространство для политической конкуренции. Существование системных оппозиционных лидеров и партий, парламента, института выборов объясняется необходимостью поддерживать легитимность режима на необходимом уровне. Многие политологи говорят в таких случаях об имитации конкуренции: оппозиция не имеет реальных шансов получить власть [10].

7. Нестабильность системы. Механизмы смены лидеров и передачи власти стоят в самом центре политики в любом государстве. Линц утверждает, что президентская система отнюдь не лишена недостатков в виде склонности к нестабильности. Он пишет, что «вопрос о смене президента, потерявшего доверие своей партии или народа, чрезвычайно сложен. Даже когда поляризация сил приводит к актам насилия и противозаконным действиям, упрямый носитель власти может делать вид, что ничего не случилось». Именно в момент наивысшей поляризации политических сил проявляется слабость президентской системы. Мы уже отмечали, что невозможность быстрой смены президента ведет к серьезным политическим кризисам. Но постсоветском пространстве данная институциональная особенность президентских систем вела к острым политическим кризисам в виде «цветных» революций. Наиболее серьезные политические кризисы произошли в 2003 г. в Грузии, в 2004 г. и 2013–2014 гг. в Украине, в 2005 г. в Киргизии [11]. Безусловно, факторы, приведшие к подобным кризисам, многочисленны, однако глубина кризиса во многом связана с формой правления. Высокие ставки в «игре» за пост президента, отсутствие гибкости системы, конфронтация президента и оппозиционной коалиции – эти особенности президентской системы создают дополнительные условия, благоприятствующие политической нестабильности.

8. Неэффективность системы. Говоря о неэффективности президентской системы Линц пишет, что «президент склонен к неразумной трате денежных средств и рискованным действиям, вызывающим поляризацию сил в стране». Хорошей иллюстрацией данного тезиса на постсоветском пространстве является проведение крупных спортивных соревнований в России или перенос столицы Казахстана в Астану. Основная критика проведения крупных спортивных соревнований, таких как Олимпийские игры в Сочи 2014 г.

или Чемпионат мира по футболу 2018 г., заключается в том, что часто расходы на данные мегасобытия сильно превосходят первоначально запланированные. Многие объекты, построенные для мегасобытий, затем используются лишь частично, имеют небольшую загрузку и дороги в эксплуатации [12]. Однако с точки зрения политики данные события имеют большое значение. Они поднимают имидж президента и престиж страны, способствуют формированию и укреплению общенациональной идентичности [13]. Таким образом, политические амбиции часто ставятся выше экономического расчета. Безусловно, такая логика присуща не только президентским системам. Государство в первую очередь должно иметь средства для проведения мегасобытий. Президентские системы являются лишь благоприятной средой для их проведения, поскольку дискуссия в обществе по поводу целесообразности и эффективности мегасобытий практически не ведется, а решение отдается на откуп президенту и правительству.

Итак, постсоветская практика демонстрирует, что гипотеза Линца о пороках президентской системы находит свое эмпирическое подтверждение. Президентская система на постсоветском пространстве демонстрирует крайнюю степень персонализации режимов. Следствием концентрации власти в руках президентов и подавления оппозиции стали многочисленные внутренние конфликты: цветные революции, конфликты между президентом и парламентом, расколы внутри общества. Аргументация Линца, основанная на материале Латинской Америки, оказалась подходящей для процессов на постсоветском пространстве.

Литература

1. *Linz J.* The Perils of Presidentialism // *Journal of Democracy*. 1990. Vol. 1. № 1. P. 51–69.
2. *Зазнаев О.И.* Организация государственной власти в Республике Татарстан: проблемы и противоречия // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2010. Т. 6. № 2. С. 7–27.
3. *Khmelko I., Pereguda Y.* An Anatomy of Mass Protests: The Orange Revolution and Euromaidan Compared // *Communist and Post-Communist Studies*. 2014. Vol. 47. № 2. P. 227–236.
4. *Aliyev H.* End to informality? Examining the impact of institutional reforms on informal institutions in post-Euromaidan Ukraine // *Debatte*. 2016. Vol. 24. № 3. P. 207–221.
5. *Beissinger M.* Structure and example in modular political phenomena: The diffusion of bulldozer/rose/orange/tulip revolutions // *Perspectives on Politics*. 2007. Vol. 5. № 2. P. 259–276.

6. Борисов Н.А. Президентство на постсоветском пространстве: процессы генезиса и трансформаций. М.: РГГУ, 2018. 537 с.
7. Brown A. The October crisis of 1993: Context and implications // *Post-Soviet Affairs*. 1993. Vol. 9. № 3. P. 183–195.
8. Борисов Н.А. Институт президентства на постсоветском пространстве: генезис и трансформация моделей [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2018. 593 с. URL: https://kpfu.ru/dis_card?p_id=2627 (дата обращения 18.11.2018).
9. Bolukbasi S. Azerbaijan: A Political History. N.Y.: I.B. Tauris Publishers, 2013. 312 p.
10. March L. Managing opposition in a hybrid regime: Just Russia and parastatal opposition // *Slavic Review*. 2009. Vol. 68. № 3. P. 504–547.
11. Coloured Revolutions and Authoritarian Reactions / Ed. by E. Finkel, Y. Brudny. N.Y.: Routledge, 2014. 152 p.
12. Müller M. After Sochi 2014: Costs and impacts of Russia's Olympic Games Eurasian // *Geography and Economics*. 2015. Vol. 55. № 6. P. 628–655.
13. Gorokhov V. Forward Russia! Sports mega-events as a venue for building national identity // *Nationalities Papers*. 2015. Vol. 43. № 2. P. 267–282.

References

1. Linz J. The Perils of Presidentialism. *Journal of Democracy*. 1990;1:51-69.
2. Zaznaev OI. The organization of state power in the Republic of Tatarstan: problems and contradictions. *Political expertise: POLITEX*. 2010;2:7-27. (In Russ.)
3. Khmelko I., Pereguda Y. Anatomy of Mass Protests: The Orange Revolution and Euromaidan Compared. *Communist and Post-Communist Studies*. 2014;2:227-236.
4. Aliyev H. End to informality? Examining the impact of the institutional reforms in post-Euromaidan Ukraine. *Debatte*. 2016;3:207-21.
5. Beissinger M. Structured in the modular political phenomena: The diffusion of the bulldozer / rose / orange / tulip revolutions. *Perspectives on Politics*. 2007;2:259-76.
6. Borisov NA. Presidency in the post-Soviet space. The processes of genesis and transformations. Moscow: RGGU Publ.; 2018. 537 p. (In Russ.)
7. Brown A. The October crisis of 1993: Context and implications. *Post-Soviet Affairs*. 1993;3:183-95.
8. Borisov NA. The institution of presidency in the post-Soviet space: the genesis and transformation of models [dis. ... d-ra polit. nauk]. Moscow, 2018. 593 p. [data obrashcheniya 8 Nov. 2018]. URL: https://kpfu.ru/dis_card?p_id=2627 (In Russ.)
9. Bolukbasi S. Azerbaijan: A Political History. N.Y.: I.B. Tauris Publishers, 2013. 312 p.
10. March L. Managing opposition in a hybrid regime. Just for Russia and the parastatal opposition. *Slavic Review*. 2009;3:504-27.
11. Finkel E., Brudny Y., eds. Colored Revolutions and Authoritarian Reactions. N.Y.: Routledge, 2014. 152 p.
12. Müller M. After Sochi 2014: Costs and Effects of Russian's Olympic Games Eurasian. *Geography and Economics*. 2015;6:628-55.
13. Gorokhov V. Forward Russia! Sports mega-events for national identity. *Nationalities Papers*. 2015;2:267-82.

Информация об авторах

Олег И. Зазнаев, доктор юридических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; Россия, Республика Татарстан, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18; Oleg.Zaznaev@kpfu.ru

Виктор В. Сидоров, кандидат политических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; Россия, Республика Татарстан, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18; Viktor.Sidorov@kpfu.ru

Information about the authors

Oleg I. Zaznaev, LL.D., professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; bld. 18, Kremlyovskaya str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russia; Oleg.Zaznaev@kpfu.ru

Victor V. Sidorov, Ph.D. in Political Science, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; bld. 18, Kremlyovskaya str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russia; Viktor.Sidorov@kpfu.ru